

SELENA BAIL

ЗМЕЕВИК

КРОВЬ ПРЕДАТЕЛЬНИЦЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Книга первая

SELENA BAIL

Кровь предательницы

<https://litres.ru/74262524>

SelfPub; 2026

Аннотация

Раз в сто лет в ночь Змеевика Полоз приходит в человеческий мир за невестой. Яра считала эту легенду сказкой для запуганных детей — пока не очнулась в подземном царстве нагов, объявленная избранницей их владыки.

Чужие обычаи, древний ритуал и ненависть, которой сотни лет, не оставляют ей права на выбор. Но Яра не собирается покорно принимать навязанную судьбу. Чтобы вернуться домой, ей придётся разгадать тайну собственной крови и понять, почему имя её предка до сих пор произносят как проклятие.

Содержание

Пролог. Утраченный свиток	4
Глава 1. Змеевик	7
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПОХИЩЕНИЕ	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

SELENA BAIL

Кровь предательницы

Пролог. Утраченный свиток

Из Утраченного Свитка Златогорки

«Я пишу это в подземелье, куда не проникает свет.

Стены здесь холодные и влажные. Где-то надо мной мерно капает вода, словно отсчитывая удары сердца. Кап-кап. Кап-кап.

У меня нет ни еды, ни питья. Только перо чернила, несколько листов бумаги и огарок свечи — всё это стражник тайком передал мне. Он был добр ко мне, этот юный наг с бледно-голубой чешуёй. Я не знаю его имени. Он ещё смотрит на меня без ненависти. Завтра ему скажут, что перед ним — предательница.

Но я должна оставить эту запись. Потому что если я умру, правда умрёт вместе со мной. А я не позволю этому случиться.

Мир не всегда был разделён.

Те, кто правит нами сейчас, хотят, чтобы вы верили в обратное. Они говорят: «Люди и наги всегда были врагами. Змеевик — это дань древней вражде. Традиция, удержива-

ющая мир в равновесии».

Это ложь.

Было и другое время. Я помню те времена — сама застала их. Люди и наги жили вместе: торговали, делились знаниями, дружили, влюблялись и создавали семьи. Между мирами не было границы. Была Змеиная Тропа — мост, по которому каждый мог пройти в обе стороны.

Моя мать была человеком, а отец — нагом. Их любовь подарила мне жизнь, и тогда никто не считал моё рождение проклятием.

Но пришли те, кто решил, что чистота крови важнее мира. Они сказали: *«Тот, кто смешивает кровь, — предатель. Тот, кто строит мосты, — разрушитель. Традиция — стена, защищающая нас от чужаков».*

Я пыталась удержать этот мост. Держала его своими руками, своей верой, своей кровью. И я знаю: он не разрушен. Лишь забыт. Он ждёт, когда кто-то вспомнит о нём и первым ступит на Змеиную Тропу.

Я не успела. Я знаю это. Чувствую по холоду, поднимающемуся от пола, по тому, как стражники перестали смотреть мне в глаза.

Но придёт та, у кого хватит сил.

Она не будет воином — воины умеют лишь рассекать. Она увидит, что разорванное ещё можно соединить, и отыщет нить там, где другие давно не видят ничего, кроме пропасти.

Она восстановит мост.

И тогда Змеевик перестанет быть днём страха и станет днём, когда два мира снова встретятся.

Я верю в это.

Даже когда гаснет свет».

~~~

«Меня назовут предательницей. Я знаю.

Но пусть тот, кто найдёт эту запись, знает: я не предавала свой народ. Я пыталась спасти его от тех, кто называет себя его защитниками.

Златогорка.

Последняя запись».

Глава 1. Змеевик

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: ПОХИЩЕНИЕ

Из дневника тёти Груни

*" В День Тишины не запирали двери от людей.
Их запирали от памяти. Потому что память не
спрашивает разрешения войти..."*

Глава 1. Змеевик

Двенадцатое июня в Змеином Угоре называли Днём Тишины. А наступавшую следом ночь – Змеевиком.

Солнце в то утро поднялось над крышами бледное, словно и само пыталось спрятаться. С первыми лучами деревня начала пустеть. Мужики, кряхтя, затаскивали в дома вёдра с водой и припасы, захлопывали ставни, по нескольку раз проверяли засовы.

В этот день у нас соблюдали обряды, словно вся деревня держалась на тонкой нити древней веры. Мужики рассыпали перед порогами соль крест-накрест, загребая её ладонью – «чтобы не прошли», – закрывали колодцы тяжёлыми крышками, тащили скотину в хлев, запирая двери на засов и втыкали у ворот дополнительные колья. Бабы развешивали над окнами свежие пучки чертополоха и полыни, зажигали обережные свечи и пока по ним тонкими слезами стекал воск, шептали молитвы.

Детей укладывали спать засветло и строго-настрого наказывали не выглядывать в окна, что бы ни услышали или не увидели – «чтобы не подвести себя и род».

К полудню каждый дом оказывался стянут берегами, словно правильный порядок действий мог удержать ночь за порогом. Никто не смеялся. Дети не гомонили во дворах. Всё вокруг медленно погружалось в сон.

Когда я была маленькой, бабка рассказывала мне одну и ту же легенду. Раз в сто лет, в ночь с двенадцатого на трина-

дцатое июня, Полоз спускается с гор по руслам рек и крадёт самую красивую девушку в округе. Он зовёт ее по имени, манит голосом, а за окном является в знакомом обличье. Тот, кто отзовётся или встретится с ним взглядом, станет его добычей.

Потому у нас существовали свои правила: в ночь Змеевика нельзя смотреть на улицу, нельзя отзывать на зов, нельзя оставлять двери незапертыми. Кто нарушит запрет, тот уйдёт с Полозом.

Тётя Груня повторяла эти правила так, словно от их соблюдения зависела не только моя честь, но и сама жизнь. Я смеялась, уверенная, что легенды придуманы для старых баб и непослушных детей. Впрочем, даже мой смех звучал приглушенно. В Змеином Угоре старые страхи въедались в память, как печная копоть в стены. Вся деревня готовилась к ночи Змеевика.

И только я сидела в мастерской и точила нож.

Мастерская примыкала к дому, и хозяйство мы с тётей Груней давно разделили. Я работала с кожей – шила сапоги, делала ремни, упряжь и всё прочее, что заказывали односельчане, – а она смотрела за огнём и вела дом.

Запах кожи – терпкий, густой, с горечью дубильной коры – стоял здесь постоянно. Он въелся в стены, инструмент и мои руки. Я любила его. Резкий, въедливый – зато всегда один и тот же. Не то что люди.

Табличку «Закрыто по случаю Змеевика» я повесила ров-

но в полдень, хотя с тем же успехом могла написать «Закрыто по случаю всеобщего помешательства».

Впрочем, одной табличкой подготовка мастерской не ограничилась. Окна обрамляли наличники со старым резным узором. По сторонам от двери висели вышитые рушники и пучки сухой полыни, а над притолокой темнела подкова. На всех этих берегах настояла тётя Груня не обращая внимания на мои жалобы.

Я считала их бесполезными, но снимать не решалась. Не потому, что верила, – просто привычка считаться с чужими страхами укоренилась слишком глубоко.

Обычно в мастерской пахло мокрой кожей, терпким дубильным раствором и дымом от печи, но сегодня сквозь привычную горечь коры пробивался другой запах – речная тина, хотя до воды отсюда было далеко. Передо мной лежал почти законченный ремень для дорожного сундука – длинная полоса хорошей чёрной кожи, которую я нарочно выкроила с запасом. Ровно на три обхвата, с надёжной латунной пряжкой. Такой не подведёт в дороге и удержит поклажу даже на разбитой колее.

Под руками всё двигалось в привычном ритме: нож правил край ремня, кисть промазывала кромку клеем, деревянные губки шорного зажима удерживали кожу, игла утягивала вощёную нить. И в этих повторяющихся движениях было что-то успокаивающее.

Я провела пальцем по краю ремня. Гладкий, плотный, без

единого заусенца. Шов ровный, шаг частый, кромка натёрта воском и отполирована, чтоб не мохрилась. Пряжка подогнана, отверстия пробиты.

Хорошая работа. Такой ремень прослужит Михаилу не один десяток лет.

Письмо от брата пришло позавчера – его привёз обозный мужик из города. Брат писал мелко и торопливо, уместив всё на обрывке бумаги:

«Яра, я сдал последний экзамен. Староста сказал, что из меня выйдет хороший лекарь. Я вспомнил отца – он бы гордился. Ты обещала прислать ремень для дорожного сундука. Я жду. Не подведи.

Твой брат, Михаил».

Я перечитала письмо раз пять, прежде чем убрать в карман фартука.

Мой брат стал лекарем.

Я представила Михаила в чистом белом фартуке, с серьёзным лицом, с вечно обкусанными ногтями на пальцах, которыми ему предстояло перевязывать чужие раны, и невольно улыбнулась.

Он всегда был умнее меня. Когда отец умер от змеиного укуса, – нелепо и слишком рано, – Михаилу было четырнадцать, а мне – двадцать. К тому времени я уже держала мастерскую и зарабатывала достаточно, чтобы прокормить нас обоих.

Михаил учился. Сначала в деревне, у старого фельдшера,

потом уехал в город. Я помогала как могла: отправляла деньги, передавала вещи, чинила одежду, когда он приезжал на побывку.

Теперь он стал настоящим лекарем. Будет лечить людей в городе, носить чистый фартук и выписывать рецепты. А я когда-нибудь стану сидеть у него на кухне и пить чай. Он будет рассказывать мне о своих пациентах и о сложных операциях, а я – о том, какую кожу привезли на последнюю ярмарку.

Я улыбнулась своим мыслям и отложила ремень в сторону, прикидывая шов ещё раз.

За привычной работой время прошло незаметно. Около трёх часов дня я краем глаза заметила движение у порога подпола.

Там сидели крысы.

Несколько серых морд выглядывали из щели. Крысы не искали еды и не шарахнулись, заметив меня. Они смотрели через открытую дверь мастерской на улицу, словно чего-то ждали.

Я хлопнула ладонью по столу и топнула ногой, но они лишь отступили от порога на несколько шагов и снова замерли, не спеша скрываться в траве и по-прежнему глядя в сторону улицы. Под рёбрами неприятно стянуло. Я сказала себе, что крысы, должно быть, почуяли перемену погоды, и снова взялась за ремень.

Около пяти, когда тени вытянулись, я вышла во двор опо-

лоснуть руки и увидела ещё кое-что странное. У забора грелись ужи – их было пять или шесть, хотя воздух уже остыл, а солнце почти не грело. Они лежали спокойно, подставив спины бледному свету, и не шелохнулись даже тогда, когда я подошла ближе.

Я вернулась в мастерскую с неприятным холодком под рёбрами и никому ничего не сказала. Да и как это объяснить? Ужи не испугались человека – только и всего.

К закату замолкли даже сверчки. Тишина стала плотной, давящей. Я прислушалась: слышно было только собственное дыхание и далёкий плеск реки.

И впервые за весь день мне стало по-настоящему страшно. Тишину нарушил негромкий стук в перегородку. Тётя Груня постучала костяшками пальцев по дереву – её обычный знак: я жива, теперь откликнись и ты.

— Ярослав, — донеслось из-за стены. — Ты бы закрылась, дочка.

— Закрыта я, закрыта, — отозвалась я, откладывая нож.

— Слышала? У Ковалёвых вчера корова отелилась недоноском. К дурному знаку.

— К дождю, — поправила я.

— К Полозу, — убеждённо сказала тётя Груня и затихла.

Я закатила глаза.

Полоз. Змей, что раз в сто лет спускается с горных рек и крадёт самую красивую девицу в округе. Та самая опостылевшая сказочка, которую бабки рассказывали столько раз,

что я могла продолжить её с любого места.

Я в Полоза не верила. Мне было двадцать шесть, я держала кожевенную мастерскую, пережила два пожара и нашествие крыс в амбаре. Полоз с его столетними замашками серийного жениха был где-то в конце списка моих проблем.

Тётя Груня пришла в мастерскую через несколько минут – в старом фартуке, с мешочком сушеной полыни на поясе и сдержанной тревогой во взгляде. Из всех жителей в деревне тётя Груня была для меня больше, чем просто соседкой. Она дружила с моей матерью, а после её смерти вырастила меня. Поэтому отмахнуться от её слов было сложнее, чем от всех деревенских легенд.

— Яра, дочка, не пренебрегай обычаем, — тихо сказала она, присаживаясь на табурет и кладя ладони на стол. — Полоз всегда приходит. Моя бабка рассказывала, как при ней в прошлый Змеевик девицу утащили – Мариинку Кузнецову. На камнях у реки нашли только ленту из её косы. А бабкина бабка помнила другой Змеевик – тот, после которого три дома осиротели. Столетний срок нынче выходит.

Пока Груня говорила, я продолжала водить пальцами вдоль кромки, проверяя, не осталось ли шероховатостей.

— Это старая сказка для детей, — отмахнулась я, прижимая ладонь к ремню, где кожа успела остыть. — У меня заказ, Груня. Брат прислал письмо – рассказал, что сдал экзамен и скоро станет врачом, а в конце попросил сделать ремень для сундука. Я обещала. Не могу же я сидеть без дела

из-за...

— Ты у меня одна осталась, Ярослава. Мать твоя наказала мне тебя беречь. Хорошо хоть я обереги повесила — от тебя ведь не дождёшься. Но ты хотя бы сегодня из дома не выходи. Ради меня.

Я посмотрела на её узловатые, натруженные руки. В голосе Груни звучало уже не привычное ворчание, а материнская тревога, которую я не могла просто проигнорировать.

Ради тётки я улыбнулась и кивнула, но про себя уже решила: ещё часок поработаю, потом схожу за водой.

Тётя Груня ушла, а я вернулась к ремню и закончила оставшийся участок. Работа заняла дольше, чем я рассчитывала, но результатом я осталась довольна. Хороший ремень получился. Надёжный. Таким можно привязать сундук к повозке, а можно носить самому и не стыдно показаться в городе.

Я ещё раз осмотрела готовый ремень и, решив, что Михаил будет доволен, убрала его в ящик стола. Завтра упакую и отправлю с попутным обозом.

Когда я наконец собрала инструменты, пламя свечи уже дёргалось на коротком фитиле. За окном давно стемнело. Пора было запирать мастерскую и затворять ставни, как велела тётя Груня. Я уже потянулась к двери, когда вспомнила, что в ведре пусто. Утром без воды нельзя было ни умыться, ни поставить чайник, а поход к колонке я всё откладывала, уверяя себя, что ещё успею, и в итоге дотянула до темноты.

Я выругалась сквозь зубы и, не выпуская ведра, прихватила с верстака шорный нож. Он привычно лёг в карман фартука — на него я полагалась и в работе, и в жизни.

Отодвинув засов, я вышла во двор. Колонка стояла у самой калитки, со стороны улицы, всего в нескольких шагах от крыльца. Мастерская примыкала прямо к дому, а за забором рос старый вяз. По пути к калитке взгляд всё время возвращался к полоске тёплого света, падавшей от свечи из приоткрытой двери мастерской.

Ночь была тёплой и влажной, словно дыхание зверя. Над крышами ярко горели звёзды, высоко висела луна — жёлтая, как потускневшая латунь. В воздухе пахло озоном и речной тиной.

Ни ветра. Ни звука. Даже собаки молчали.

Я приоткрыла калитку, поставила ведро под носик колонки и несколько раз качнула тугой рычаг. Металл протяжно скрипнул, и вода тяжело ударила о дно. Когда ведро наполнилось почти до краёв, отпустила рычаг и выпрямилась.

И тогда я услышала это.

Голос.

Он доносился со стороны реки — низкий, обволакивающий, с таким шипением, от которого волосы на затылке встали дыбом.

— Я-ро-ссла-ва...

Я застыла. Сердце ухнуло куда-то вниз, а пальцы так и не коснулись ручки ведра.

Показалось, сказала я себе. Просто ветер с реки.

— Ярославла...

Нет. Ветер не тянет «с» так долго, будто наслаждается каждым звуком моего имени, словно смакует его на языке. Черт, да ветер вообще не разговаривает.

Пальцы сами сомкнулись на ручке ведра. Я подняла его и медленно обернулась.

Он стоял в тени старого вяза, и я не сразу поняла, что вижу. Высокий, широкоплечий, с чёрными волосами, рассыпавшимися по плечам. Он медленно склонил голову набок. В темноте блеснули янтарные глаза с вертикальными зрачками. Незнакомец смотрел на меня изучающе, и на миг мне почудилось в его взгляде... узнавание?

Я опустила взгляд и увидела, что ног у него... не было. Вместо них – хвост. Длинный, покрытый крупной серебристой чешуёй, он уходил в траву широкими кольцами, приминал её под собой и мерцал в лунном свете, как жидкое серебро. Кончик медленно скользил из стороны в сторону, будто выбирал момент для броска.

Полоз.

Тот самый Полоз из тёти-Груниных сказок. Тот, который раз в сто лет приходит за девой. Значит, всё это время она говорила правду. Какого чёрта?

Ведро выскользнуло из моих пальцев. Оно глухо ударилось о землю, и холодная вода хлынула под ноги, мгновенно промочив обувь. Я хотела закричать, но крик застрял в гор-

ле, будто залитом смолой.

Я отступила на шаг.

Потом ещё на один.

— Красивая, — произнёс Полоз. Его низкий голос звучал мягко, почти ласково, но от этой ласки по спине пробежал холод. — Мне о тебе много рассказывали, Яра.

— Я не... — Я попятилась, нащупывая рукой калитку. — Ты не существуешь. Ты легенда.

— Легенды существуют ровно до тех пор, пока в них не поверят, — Он слегка склонил голову, и хвост скользнул вперёд, перекрывая мне путь к дому. — А потом они забирают своё.

Я метнулась к калитке, но едва занесла ногу над хвостом, как его кончик обвил мою лодыжку. Я потеряла равновесие, вцепилась в столб и закричала:

— Помогите! Тётя Груня! Люди!

— Кричи, — Разрешил Полоз. — Никто не услышит. Зме-евик – ночь глухих стен.

Он скользнул ближе, не ослабляя хватки на моей лодыжке. Теперь я видела его лицо: резкие скулы, тонкие губы, шрам над правой бровью. Красивое. И оттого ещё более пугающее.

Хвост резко дёрнулся, рванув мою ногу назад, и я рухнула на колени. Холодная глина вдавилась в кожу, трава прилипла к коленям и подолу, оставляя на одежде тёмные пятна. Я стиснула зубы и попыталась высвободить лодыжку, но коль-

цо лишь сжалось сильнее.

В панике я выхватила нож из кармана фартука и полоснула по чешуе. Лезвие со скрежетом скользнуло по хвосту, не оставив даже царапины.

Полоз рассмеялся – низко и глухо.

— Оссстрая – сказал он, и в его голосе прозвучал неподдельный интерес. Почти одобрение.

Я замахнулась снова, но он перехватил моё запястье. Пальцы сомкнулись, как стальные кольца, и нож вылетел из руки. Он глухо упал на мокрую землю и отскочил в сторону — недостижимый и бесполезный.

— Ты моя, дева. По обычаю. По крови. По праву. — сказал он, приближаясь всем телом.

Хвост стиснул мою лодыжку и потянул по земле к Полозу. Я вцепилась пальцами в мокрую траву, но лишь содрала ладони о жёсткие стебли.

Он подтянул меня ближе и склонился надо мной. Я невольно подняла голову – и встретила с ним взглядом.

Янтарь в глазах Полоза вспыхнул. Тело разом отяжелело и перестало слушаться, будто налилось свинцом. Мир поплыл. В нос ударил запах мокрой земли, озона и чего-то древнего, как само время.

— Сспи, — прошептал Полоз.

Сознание ускользало, таяло, как воск свечи. Последним в расплывающемся мире остался янтарный взгляд Полоза – пристальный, полный жадного любопытства. А на са-

мом краю сознания промелькнула нелепая мысль: нож так и остался лежать в траве. Очень кстати – единственное оружие в двух шагах от меня, а я уже не могу пошевелиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.